ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Музей антропологии и этнографии
имени Петра Великого
(Кунсткамера)

антропологический форум

№ 1 2004

Современные тенденции в антропологических исследованиях

Санкт-Петербург

Соболевский А.И. Рецензия на кн.: Зеленин Д.К. Новые веяния в народной поэзии // Литературный вестник. 1902. Т. 3. Кн. 3. С. 299.

Традиционный фольклор Новгородской области. Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры (по записям 1963-1999 гг.). СПб., 2001.

Феноменов М.Я. Современная деревня. Опыт краеведческого исследования одной деревни (д. Гладыши Валдайского у. Новгородской губернии). Л.; М., 1925. Ч. 2.

Флоренский П.А. Несколько замечаний к собранию частушек Костромской губернии // Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда. Кострома, 1909. С. 3–10.

Павел Рыкин

Социальная группа и ее название в среднемонгольском языке: понятия *irgen* и *oboq*

Павел Олегович Рыкин
Европейский университет в Санкт-Петербурге; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Как утверждал известный социолог, философ и теоретик науки Альфред Шюц, естественные и социальные науки существенно разнятся в отношении того, с какого рода объектами они имеют дело. Предметная область естественных наук определяется ими самими на основании сугубо объективных критериев; она не имеет никакого «значения» для образующих ее молекул, атомов и электронов. В совершенно иной ситуации находится представитель социальных наук. Предмет изучения — социальный мир — выступает перед ним не только в своем объективном аспекте (данный аспект как раз роднит его с миром естественных наук), но и в совокупности субъективных значений и смыслов, которые придают этому миру населяющие его люди. Объясняя и интерпретируя социальную реальность, люди создают мыслительные конструкты, которые определяют их отношение к этой реальности и их поведение в ее пределах. Поэтому любая социальная наука, претендующая на целостное понимание своего объекта, должна с необходимостью учитывать этот субъективный компонент и, более того, помещать его в основу своих теоретических построений. «*Таким образом*, — писал А. Шюц, — *конструкты, ис-*

пользуемые социальным ученым, являются, так сказать, конструктами второй степени, т.е. конструктами конструктов, созданных действующими на социальной сцене лицами, чье поведение ученый наблюдает и пытается объяснить в соответствии с процедурными правилами своей науки» [Schutz 1971: 6].

Если принимать за отправную точку этот эпистемологический постулат, адекватное описание социальной реальности оказывается возможным только при условии соотнесенности научных аналитических понятий с обыденным опытом самих участников описываемой реальности. Конечно, при анализе отдельных проблем наука вправе оставлять данный опыт за рамками своего внимания. К примеру, экономист может изучать товарооборот или ценообразование безотносительно к тому, какое значение изучаемые им явления имеют для вовлеченных в экономическую деятельность людей. Но это не значит, что он не в состоянии установить связь с порядком субъективных значений. Просто демонстрация такой связи не всегда входит в его задачи и, возможно, лежит вне границ его текущих интересов [Там же 1971: 34–35]. Если же указанная связь действительно отсутствует, выдвигаемая ученым теория не имеет объяснительной силы. Критерием состоятельности теории в социальных науках является именно ее способность согласовываться с субъективными значениями действующих лиц, с конструктами первой степени, с помощью которых люди в повседневной жизни объясняют себе социальную реальность [см.: Там же 1971: 62].

Поэтому большой интерес представляет изучение того, чем характеризуются обыденные конструкты, точнее говоря, конструкты конкретного сообщества людей в конкретный хронологический период. Последнее уточнение чрезвычайно существенно, так как оно подчеркивает, что социальные условия, в которых создаются эти конструкты, различаются от общества к обществу. Между тем, по мысли Шюца, социальные условия играют здесь основополагающую роль. Эта роль вытекает из структуры запаса наличного знания человека, который по преимуществу составляют разного рода обыденные конструкты. Запас знания лишь отчасти носит индивидуальный характер и складывается из фрагментов прошлого опыта отдельно взятого человека. Основной массив обыденного знания имеет социальное происхождение и передается человеку его социальным окружением [см.: Schutz 1971: 10–11, 13, 60–62; Schutz, Luckmann 1974: 7]. Онтологической предпосылкой такого положения вещей выступает изначальная интерсубъективность жизненного мира — социокультурной среды, внутри которой протекает существование человека[1]. Социален и сам способ передачи знания. По-

[1] Понятие «жизненного мира» (*Lebenswelt*) было заимствовано А. Шюцем из трудов основателя феноменологической философии Э. Гуссерля. Ограничения места не позволяют нам сколько-нибудь подробно остановиться на системе взглядов Шюца на природу и свойства жизненного мира. Интересующихся можно отослать к работе Шюца «Структуры жизненного мира», изданной посмертно его учеником Т. Лукманом [Schutz, Luckmann 1974].

рожденные и санкционированные обществом конструкты, типизации и практические «рецепты» действий усваиваются прежде всего через язык, социальное установление *par excellence*. Язык предопределяет, *«какие черты мира достойны выражения и вместе с тем какие свойства этих черт и отношения между ними заслуживают внимания, а также какие типизации, абстракции, генерализации и идеализации релевантны для достижения типических результатов типическими средствами»* [Schutz 1971: 349]. В чем-то идейно перекликаясь со своими соотечественниками Э. Сэпиром и Б. Уорфом, Шюц писал, что язык отражает систему релевантностей пользующегося им языкового коллектива и служит для выражения его *«сравнительно-естественной концепции мира»*.

Описание обыденного опыта социальной реальности и сформированных на его основе конструктов первой степени невозможно без учета языка, в котором они находят воплощение. Более того: обыденный язык *«можно интерпретировать как сокровищницу готовых преконституированных типов и характеристик, производных от общества и несущих в себе открытый горизонт неизведанного содержания»* [Там же 1971: 14]. Напрашивается вывод, что ученый, который намеревается описать систему обыденных конструктов того или иного общества, должен поместить в центр внимания язык, это общество обслуживающий. Данное методологически важное положение не было главным фокусом концепции Шюца, однако оно имеет первостепенное значение с точки зрения целей настоящей работы. Мы преследуем двоякую цель: описать представления средневековых монголов о своем обществе («конструкты первой степени»)[1] и подвергнуть проверке на соответствие опыту социальных субъектов принятые теоретические модели этого общества («конструкты второй степени»). Обе задачи находятся в тесной взаимосвязи, однако первая пользуется определенным эвристическим преимуществом перед второй; без ее решения браться за вторую задачу нет никакой возможности. Вследствие этого описание категорий обыденного социального опыта, организовывавших существование средневековых монголов, приобретает особую значимость. Но оно с необходимостью требует опоры на языковые данные, и здесь идеи Шюца о роли языка в обыденном конструировании социального мира вступают в свои права. Это, впрочем, похоже на обращение нужды в добродетель, так как понимание субъективных смыслов, которыми средневековые монголы наделяли свою социальную реальность, достижимо не иначе как через анализ их объективации в

[1] Здесь мы ограничимся только теми представлениями, которые были заключены в лексических единицах *oboq* и *irgen*.

лексике среднемонгольского языка — другими способами обнаружения данных смыслов наука просто не располагает.

Конкретным предметом исследования мы избрали понятия, воплощенные в двух социальных терминах среднемонгольского языка и игравшие важную роль в монгольской средневековой концепции общества. Наше изложение будет строиться в следующем порядке. Сначала мы в общих чертах рассмотрим теоретические схемы, с помощью которых в науке осмысляется монгольское общество, затем перейдем к анализу свидетельств языка, в котором это общество осмысляло самое себя, а в самом конце сопоставим первые с последними и выскажем свое суждение о том, что из такого сопоставления следует. Тем самым для каждой из намеченных выше задач, пусть только в применении к двум лексическим единицам и стоящим за ними представлениям, нами будет предложено некоторое предварительное решение.

* * *

Прежде всего, важно отметить тот факт, что слова *oboq* и *irgen* находятся в центре современных теоретических дебатов об устройстве средневекового монгольского общества. Имеется ряд специально посвященных им статей, а одно из них даже дало название книге. Несмотря на это (а возможно, именно благодаря этому), в монголоведении не утвердилось какой-либо общепризнанной трактовки выражавшихся данными словами понятий. Хотя все исследователи сходятся в том, что они соответствуют определенным сегментам монгольской социальной организации, значительные разногласия вызывает вопрос об определении и характеристике этих сегментов. Разобраться в существующем многообразии решений указанного вопроса оказалось непросто, и нам пришлось прибегнуть к помощи метода генетического объяснения теоретических понятий, заслуга разработки и широкого применения которого принадлежит Э. Бенвенисту [Бенвенист 2002]. Суть этого метода состоит в том, что значение научного понятия раскрывается через историю его употреблений в интеллектуальных традициях, отводивших ему место в своем концептуальном аппарате. Однако в отличие от Э. Бенвениста сферой приложения названного метода мы взяли не историю какого-нибудь аналитического понятия, а историю научного осмысления двух обыденных понятий, или, говоря языком А. Шюца, отображение в конструктах второй степени конструктов первой степени.

Метод генетического объяснения внес изрядную долю ясности в интересующую нас проблематику и позволил усмотреть за ней определенного рода систему. Систему эту, как нам кажется, допустимо описывать тем же способом, каким британский ученый А. Купер описывал историю антропологических концепций «примитивного общества» [Kuper 1988]. Опираясь на идеи К. Леви-Строса и историка физики И.Б. Коэна, он предложил рассматривать развитие понятия «примитивного общества» как ряд последовательных трансформаций исходной теоретической модели, восходящей к трудам эволюционистских мыслителей середины XIX в. На каждом новом этапе развития данного понятия одни элементы предшествовавших теорий сохранялись в неизменном виде, другие слегка видоизменялись, третьи претерпевали радикальную инверсию теоретических акцентов. Но даже самые кардинальные изменения являли собой не более чем вариации на заданную мыслительную тему.

Ситуация с трактовкой слов *oboq* и *irgen* (осмелимся утверждать, что и с социальной теорией в целом) в монголоведении обнаруживает существенное сходство с той, которой уделил внимание А. Купер, но обладает по сравнению с ней некоторыми специфическими особенностями. Мы полагаем, что для рассматриваемой здесь проблемы правильнее говорить не о единой исходной модели теоретизирования и ее трансформациях, а о развитии нескольких (в нашем случае трех) конкурирующих моделей, вполне самостоятельных и несводимых друг к другу. *Одна из них действительно может быть названа базовой.* Именно у нее мы встречаем наиболее широкий диапазон трансформаций (насколько нам известно, ее конкуренты не имели их вовсе) и одновременно наиболее значительное число прямых последователей. Речь идет о концепции Б.Я. Владимирцова, которая долгое время пользовалась статусом официальной марксистской версии социальной истории монголов и уже в силу этого служила отправной точкой для поколений исследователей монгольского общества. Основополагающий характер данной теоретической модели явствует, помимо прочего, из того, что обе альтернативные модели (Э.Э. Бэкон и Г.Е. Маркова) возникли в качестве реакции на модель Владимирцова и, с некоторым огрублением, путем инверсии ее ключевых положений. Однако — и здесь мы видим главное отличие от предмета изучения А. Купера — это обстоятельство не воспрепятствовало тому, чтобы в их рамках были разработаны особые теоретические подходы, по-своему объяснявшие те факты, на интерпретации которых *основывалась вышеупомянутая концепция.*

Что касается базовой модели, все ее представители — как Б.Я. Владимирцов, так и авторы последующих трансформаций — соотносили свои трактовки обсуждаемых нами понятий с родоплеменной гипотезой — важнейшим теоретическим инструментом объяснения монгольского общества доимперской эпохи. Некоторые различия были связаны лишь с тем, какие из основных аналитических категорий данной гипотезы тот или иной ученый ставил в соответствие интересующим нас социальным терминам. Развернутая характеристика исследовательских трактовок, отвечающих базовой модели, не входит в наши

намерения; за деталями мы отсылаем читателя к тем работам, где эти трактовки нашли свое выражение. Здесь достаточно перечислить их списком без каких бы то ни было подробностей. Б.Я. Владимирцов [Владимирцов 1934]: *oboq* — «род», *irgen* — «племя», «подплемя»; О. Прицак [Pritsak 1952]: *oboq* — «племя», *irgen* — «союз племен»; Г. Дёрфер [TMEN I № 16; II № 468]: *oboq* — «потомки мифического родоначальника вместе с зависимыми от них вассальными племенами», *irgen* — «объединение нескольких родов»; Д. Гонгор [Гонгор 1974]: *oboq* — «род», *irgen* — «рядовые члены рода»; Т.Д. Скрынникова [Скрынникова 1990; 1997]: *oboq* — «род», *irgen* — «племя».

Первая из альтернативных моделей, в которой оспаривается адекватность родоплеменной гипотезы, принадлежит американской исследовательнице Э.Э. Бэкон [Bacon 1958]. Она исходила из того, что *«термин «клан», если употреблять его при описании социальных группировок центральноазиатских племен, запутывает суть дела, так как он неприложим к ним в его обычном антропологическом значении»* [Bacon 1958: VIII]. Согласно ее предположению, на обширных пространствах Евразии существовал *«до сих пор не вполне признанный и описанный тип социальной структуры»* [Там же: VII]. По своим структурным параметрам он весьма разнился с родоплеменной моделью Б.Я. Владимирцова. Э.Э. Бэкон предложила называть его *«племенным генеалогическим»*, а в целях краткости заимствовала для его обозначения монгольское слово *oboq*. Основой *«племенной генеалогической организации»* (*обок*) выступали патрилинейные десцентные группы, лишенные ряда присущих классическому клану черт: экзогамности, эксклюзивных критериев группового членства, групповых символов. Они являлись одновременно родственными, территориальными и политическими объединениями [Там же: 41–42]. Вся социальная организация типа *обок* строилась по образцу расширенной семьи, а отношения между социальными сегментами облекались в форму родственных. Социальное положение индивида при этом целиком определялось не его принадлежностью к той или иной группе общего происхождения (как в обществах с клановой организацией), а занимаемым им местом в племенной генеалогии (отсюда название *«племенной генеалогический»*). *Обок* характеризовался наличием нескольких расширяющихся кверху уровней групповой принадлежности, которые плавно переходили друг в друга и задействовались в зависимости от практических потребностей. Признаками *обока* (как теоретического конструкта), с точки зрения Э.Э. Бэкон, обладал и средневековый монгольский *oboq* (как обыденный конструкт). У монголов эпохи Чингисхана *«oboh явно обозначает патрилинейную родственную группу. Irgen, с другой стороны, может относиться к тем, кто присоединился к oboh, добровольно или посредством завоевания»* [Там же: 53]. В древнейшую эпоху *oboh* предположительно совпадал со всем племенем, однако в ходе междоусобных войн в Монголии образовывавшие

его группы претерпели значительную перестройку и вынуждены были искать покровительства у сильных лидирующих семей. *«Irgen, по-видимому, явилось результатом этой перестройки родственных групп»* [Там же].

Если в книге Э.Э. Бэкон содержалась лишь косвенная критика идей Б.Я. Владимирцова, то концепция Г.Е. Маркова [Марков 1976] развивалась в открытой полемике с ними. Упрекая создателя базовой модели за неоправданную архаизацию форм общественных отношений у средневековых монголов, Г.Е. Марков подчеркивал: *«Общество монголов до возникновения империи не было родовым. Сопоставляя историю монголов с историей хунну, можно предположить, что разложение первобытных отношений произошло у кочевых народов в отдаленные времена и так называемые «родовые пережитки» в действительности были явлениями, свойственными хозяйственной и общественной организациям кочевничества»* [Марков 1976: 69]. Место эволюции от родоплеменного строя к феодализму в альтернативной модели Г.Е. Маркова заняло чередование двух состояний кочевого общества — *«общинно-кочевого»* и *«военно-кочевого»*, расцениваемых как взаимообратимые [Там же: 311–313]. В отдельных аспектах модель Г.Е. Маркова явственно сближается с моделью Э.Э. Бэкон (хотя сведениями о влиянии последней на первую мы не располагаем). Г.Е. Марков также употреблял термин *«генеалогическо-племенная структура»* [Там же: 55], отмечал роль квазисемейных образований и фиктивных генеалогий в идеологическом обосновании единства социальных общностей у номадов [Там же: 310]. В круг его рассмотрения попали и понятия *oboq* и *irgen*: *«Общественная организация монголов имела общинно-племенную структуру. Семьи образовывали кочевые общины «обок» (oboq). Кочевые общины соединялись в более крупные племенные подразделения или колена «урук» (uruq), а последние объединялись в племена (irgen)»* [Там же: 55]. В основу взаимосоотнесения указанных понятий клался иерархический принцип, которому следовали и теоретики базовой модели; однако ключевой для них компонент «род» в схеме Г.Е. Маркова отсутствовал. Кроме того, по мнению ученого, *обоки* могли быть *«сложными образованиями, состоявшими из колен и подколен»* [Там же].

* * *

Вернемся на время к началу нашей работы, к тому месту, где речь шла о ее конкретных задачах. Нетрудно заметить, что вторая из этих задач складывается из двух частей: описания научных конструктов и их верификации (или фальсификации) обыденными конструктами. С первой задачей мы по мере сил справились, но для разрешения второй необходимо составить себе более или менее отчетливое представление о том, каким

значением обыденные конструкты обладали для социальных субъектов в жизненном мире. Приблизиться, с некоторым неизбежным огрублением, к такому представлению мы поставили своей главной задачей. А она требует проведения семантического анализа слов *oboq* и *irgen*, ибо именно семантика имеет дело с уровнем значений, доступных пониманию рядовых носителей языка — шюцевских действующих лиц на социальной сцене. В лингвистике, как уже отмечалось, данный уровень принято называть «наивной картиной мира». Наше дальнейшее изложение будет развертываться главным образом на нем.

Семантическое описание лексических единиц основывается на принципе обусловленности значения слова его употреблениями. Этот принцип среди прочих был выражен Э. Бенвенистом: *«"Значение" лингвистической формы определяется всей совокупностью ее употреблений, ее дистрибуцией и вытекающими из них типами связей»* [Бенвенист 2002: 332]. Ведущую роль здесь играет понятие дистрибуции, под которым имеется в виду *«совокупность окружений, в которых данная единица встречается в речи, или совокупность "совместных встречаемостей" данной единицы с одноименными единицами»* [Степанов 1975: 203]. Основой нашего анализа также стал дистрибутивный метод, а сферой его применения и, соответственно, источником фактического материала послужил корпус дошедших до нас текстов XIII–XIV вв., написанных на среднемонгольском языке: прежде всего, самый крупный из них — «Тайная история монголов» (далее ТИМ), а также письменные памятники меньшего объема, которые охватывают среднемонгольский период (далее СМТ) вплоть до конца XIV в.[1] Руководствуясь изложенными методологическими соображениями, теперь мы перейдем к реализации нашей основной задачи.

* * *

Слово *oboq* встречается в ТИМ всего 22 раза, из них ни одного в свободной позиции. Оно выступает исключительно в сочетании с аффиксом {tu}[2] (9, 44, 139) и его коррелятом множественного числа {tan} (11, 40, 41, 42, 42, 42, 42, 42, 46, 46, 46, 46, 46, 46, 47, 47, 47, 49, 263). Приведем примеры на оба типа окружений:

(1) qorilartai-mergen qori-tumad-un qajar-tur-iyan buluqan keremün görö'eiei qajar-iyan qorilalduju mawulalduju qorilar ***oboqtu*** *bolju burqan-qaldun-nu görü'üli sayitu qajar sayin ke'en burqan-qaldun-nu ejet burqan-bosqaqsan sinci-bayan uriangqai-tur newüjü ayisun aju'u* 9 'Корилартай-мэргэн — [поскольку] в земле коритуматов [люди] участвовали во взаимных запретах и обидах по поводу своей земли, имеющей соболей, белок и диких зверей, — стал **тем, кто имеет *oboq*** корилар и, говоря: «Земля Буркан-Калдуна, имеющая хороших для охоты диких зверей, хороша», прикочевал к урянкайцу Синчи-Байану, поставившему изображения [духов-] хозяев Буркан-Калдуна';

(2) duwa-soqor ügei bolu[q]san-u qoyina dörben kä'üt imu dobun-mergen abuqa-yu'an uruq-a ülü bolqan doromjilaju qaqacaju gējü newüba dörben ***oboqtan*** *bolju dörben irgen tede bolba* 11 'После того как Дува-Сокора не стало, его четверо сыновей, не считая своего дядю по отцу Добун-мэргэна родственником, презирали [его], отделились и откочевали, бросив [его]. Став **теми, кто имеет *oboq*** дөрбэн, они стали людьми дөрбэн'.

В этих примерах связанные формы *oboqtu* и *oboqtan* являются предикативными членами в связочных конструкциях с глаголом *bol=* 'стать'. Такого рода употребления составляют наиболее частотную категорию: конструкция *oboqtu bol=* зафиксирована однажды (9), а конструкция *oboqtan bol=* — 17 раз (11, 40, 41, 42, 42, 42, 42, 42, 46, 46, 46, 46, 46, 47, 47, 47, 49). Пропозициональная функция *X Y-{tu} (мн. ч. {tan}) bol=* в среднемонгольском языке обозначала приобретение X-ом Y-а, причем на X и Y не накладывалось никаких семантических ограничений. Она не могла использоваться в тех случаях, когда речь шла о принадлежности X-а к Y-у, где Y замещался именем некоторой социальной единицы[1]. Напротив, она описывала ситуацию, диаметрально противоположную с точки зрения направления отношений принадлежности, в которой X играл роль субъекта, а Y — объекта обладания. Чтобы удостовериться в этом, приведем все случаи употребления данной пропозициональной функции в ТИМ, выявленные нами при помощи «Обратного слова-

[1] В настоящей работе ТИМ цитируется в транскрипции И. де Рахевильца [SHM]. Цифры указывают на номер параграфа. При ссылке на СМТ используются издания Л. Лигэти [Ligeti 1972a; 1972b; Bur] и К. Загастера [ИТ]. Список сокращений см. в конце работы. Переводы всех примеров выполнены нами.

Необходимо оговорить специальную терминологию, которая употребляется в работе. Автор следует принятому в семантике разделению общего понятия «лексическое значение» на две составляющие: экстенсионал (множество называемых словом объектов действительности) и интенсионал (выражаемые словом свойства всех элементов данного множества). Для обозначения отдельного элемента экстенсионала, т.е. конкретного объекта, к которому отсылает слово в тексте, используется термин «референт».

[2] Аффиксальная морфема {tu} в конструкции X Y+{tu} выражала значение принадлежности Y-а X-у. Она имела 4 алломорфа, различавшихся по двум дифференциальным признакам:

рядности модифицируемой основы (*=tu / =tai*, если валентность Y-а заполнена словом гуттурального ряда; *=tü / =tei*, если валентность Y-а заполнена словом палатального ряда) и полусемантического субъекта (*=tu / =tü* при X-е мужского пола; *=tai / =tei* при X-е женского пола). В ТИМ слово *oboq* употребляется только с X-ом мужского пола, но в одном из других среднемонгольских текстов (китайско-монгольская билингва 1335 г.) отмечен единичный случай его сочетаемости с аффиксом *=toi*: *yeke emege inu tii oboytai* 'его прабабка имела *oboy Ли*' [Tch 14].

[1] Для передачи значения принадлежности лица к определенной социальной общности в среднемонгольском языке использовался специальный аффикс {dai[2]}. О нем см. ниже.

ря» Х.-П. Фитце (Vietze et al. 1969) и «Индекса» И. де Рахевильца (SHM):

X Y+{tu} bol=

(3) caraqa-ebügen yaratu bolju 73 'Чарака-эбӱгэн, став раненым (букв. 'имеющим рану')...';

(4) qo'aqcin üni'en... öre'ele eber-iyen ququraju so[l]jir ebertü bolju 121 'Рыжеватая корова... сломав один из двух своих рогов, стала с [одним] кривым рогом...';

(5) teden-i ji'ürtü[1] *bolju niscu tenggeri-tür qaru'asu* 199 'Если они, став крылатыми (букв. 'теми, кто имеет крылья'), полетят и поднимутся к Небу...'

X Y+{tan} bol=

(6) tere cuqtai müsüt metü qamtu niken eyeten bolu'asu 22 'Если [вы] будете вместе и в согласии (букв. 'станете имеющими одно согласие'), как этот пучок древков для стрел...';

(7) jamuqa altan qucar qardakidai ebügejin noyakin söge'etei to'oril qaci'un-beki tede bolun niken eyeten bolju 166 'Джамука, Алтан, Кучар, Кардакидай, Эбӱгэджин, Нойакин, Сӧгэ'этэй, То'орил и Качи'ун-бэки, они пришли к соглашению (букв. 'стали теми, кто имеет одно согласие')';

(8) morin unu'atan modun nemüreten bolba tede 174 'Они стали теми, кто имеет верховыми животными коней, кто имеет пристанищами деревья';

(9) ye'ütkekün haran aldaltan boltuqai 203 'Пусть люди, которые изменят [что бы то ни было], станут виновными (букв. 'имеющими вину')[2].

Судя по приведенным примерам, слово *oboq* вряд ли могло называть какой-либо социальный сегмент. Оно входило в класс имен предметов и свойств, которых можно было «иметь», таких как 'рана', 'рог', 'крылья', 'согласие', 'верховое животное', 'пристанище', 'вина'. Примечательно также и то, что оно дважды встречается в конструкции с глаголом *bol<u>qa=* 'каузировать стать', описывающим ситуацию присвоения *oboq* некоторым лицам со стороны субъекта каузации. В таких контекстах особенно трудно понимать это слово как термин для социальной единицы:

[1] Здесь *ji'ürtü* употреблено вместо *ji'üten* в силу нарушения принципа согласования в числе подлежащего с именным предикативом (см. ниже).

[2] В ТИМ имеется еще 6 примеров на предикативное выражение *aldaltan bol=* 'стать теми, кто имеет вину' (224, 227, 227, 233, 278, 280), которые мы из соображений экономии места сочли возможным опустить.

(10) bodoncar ügei boluqsan-u qoyina tere jewüredei-yi ger daru'a adangqa uriangqadai gü'ün alu'a te'ün-ü'ei bui-je ke'ejü jügeli-dece qarqaju jewüreyit ***oboqtu bol<u>qaju*** *jeüred-ün ebüge tere bol<u>ba* 44 'После того как Бодончара не стало, этого Джэвӱрэдэя, говоря: «В юрте постоянно был аданка-урянкаец, [Он], наверное, от него», отстранили от *джӱгэли*[1] и **сделали тем, кто имеет *oboq*** джэвӱрэйит. Он стал предком джэӱрэтов';

(11) qacula-yin kö'ün ide'en-e baruq tula yeke-barula ücugen-barula nereyitcü barulas ***oboqtan bolqaju*** *erdemtü-barula tödö'en-barula teri'üten barulas tede bol<u>ba* 46 'Поскольку сыновья Качулы были жадны (*baruq*) до еды, [их] прозвали Большой Барула и Малый Барула и **сделали тем, кто имеет *oboq*** барулас. Они стали барулас-ами — эрдэмтӱ-барула, тӧдӧ'эн-барула и другими'.

Синтаксическая сочетаемость слова *oboq* исчерпывается вышеперечисленными типами окружений. Вывести на основании этой скудной дистрибуции его вероятное значение в высшей степени проблематично. Следует учитывать семантический закон, который сформулировал Е. Курилович: «*Чем уже сфера употребления, тем богаче содержание (смысл) понятия; чем шире употребление, тем беднее содержание понятия*» [Курилович 2000: 11]. Слово *oboq* характеризуется чрезвычайно узкой сферой употребления, из чего естественно сделать вывод о богатстве его семантического содержания. Однако мы можем сказать об этом содержании только то, что оно соотносится с категорией объектов посессивных отношений. Выход из создавшегося затруднения предлагает еще одна особенность *oboq*, до сих пор оставлявшаяся нами вне рассмотрения: данное слово всегда имеет в препозиции отличительное название некоторой группы людей. Это видно уже из приведенных примеров, но для полноты картины мы перечислим списком весь класс атрибутивов к *oboq*: *qorilar* (9), *jadaran* (40), *dörben* (11), *menen-ba'arin* (41), *belgünüt* (42), *bügünüt* (42), *qatagin* (42), *salji'ut* (42), *borjigin* (42), *jewüreyit* (44), *noyakin* (46), *barulas* (46, 46), *buda'at* (46), *adargin* (46), *uru'ut* (46), *mangqut* (46), *tayici'ut* (47), *besüt* (47), *oronar* (47), *qonggotan* (47), *arula[t]* (47), *sönit* (47), *qabturqas* (47), *geniges* (47), *yürki* (49), *jürkin* (139), *qurumsi* (263). Каждое из перечисленных названий относилось к какой-либо политически самостоятельной кочевой группе, а модифицируемое ими слово *oboq*, по всей вероятности, выполняло функцию гиперонима (родового понятия) по отношению к ним всем. В таком случае мы вправе постулировать для него гипотетическое обобщающее значение типа 'групповое название'.

[1] О термине *jügeli*, обозначавшем у монголов род окказионального семейного жертвоприношения, см. [Bese 1986].

Следует отметить, что такую же точку зрения ранее высказывал польский ученый С. Калужиньский [Калужиньский 1977; Kałużyński 1989]. Он трактовал слово *oboq* в ТИМ как «*групповое имя (название), что-то вроде фамилии*», или как «*выделяющее название*» [Калужиньский 1977: 82–83]. В поддержку своей трактовки он приводил следующие аргументы [Там же: 82–84]:

— В тех случаях, когда монгольский источник говорит о появлении того или иного *oboq*, речь идет об этимологии и обстоятельствах происхождения некоторого названия.

— Слово *oboq* не употребляется самостоятельно и всегда соотносится с определенным владельцем.

— Оно используется по отношению не только к кочевникам, но и к представителям земледельческих цивилизаций, для которых невозможно предполагать наличие типа социальной организации, сходного с монгольским.

— Оно не засвидетельствовано в «Сборнике летописей» персидского автора Рашид ад-Дина[1], в котором содержится подробное описание монгольского общества накануне возвышения Чингисхана, а там, где его можно ожидать, стоит арабское слово *лакаб* 'прозвание, прозвище'.

Изложение своей позиции автор заключал выводом: «*Можно сказать, что дискуссия вокруг слова oboq была в значительной мере спором о названии, а не о сути дела*» [Там же: 84].

Нам представляется, что С. Калужиньский был слишком категоричен в утверждении: «*Факт, что слово oboq в ТИМ обозначало своего рода название, не подлежит сомнению*» [Kałużyński 1989: 193]. Число диагностирующих контекстов, которые могли бы оправдать столь однозначное суждение, более чем ограничено. Однако полученные нами результаты анализа синтаксического поведения слова *oboq* располагают нас к принятию точки зрения польского монголоведа. Она вполне согласуется также с тем обстоятельством, что субъектом обладания при *oboq* всегда выступает определенная совокупность людей. Так, в примере (2) для обеих частей предложения *dörben oboqtan bolju dörben irgen tede bolba* 'Став теми, кто имеет *oboq* дёрбэн, они стали людьми дёрбэн' имеет место совпадение референтов двух именных предикативов, т.е. *oboqtan* 'имеющие *oboq*' и *irgen* 'люди' в данном контексте предстают как кореферентные понятия («контекстные синонимы»). Другие выражения, включающие *oboq*, также соотносятся либо с множеством индивидов, эксплицитно маркируемым местоимением *tede* 'они' (40, 41, 46, 46, 46, 47, 47, 49), либо с отдельным индивидом в качестве основателя и первого лидера группы, как в примерах (1) и (10), а также в предложениях типа

[1] Данное утверждение следует признать ошибочным, см. [TMEN I № 61: 183].

(12) bodoncar borjigin oboqtan bol<u>ba 42 'Бодончар стал теми, кто имеет *oboq* борджигин'.

Однако в связи с примерами (2) и (12) встает проблема экстенсиональной интерпретации формы *oboqtan*. К какому классу референтов она производила отсылку, и кому вообще монголы предицировали свойство 'иметь *oboq*'? С. Калужиньский полагал, что «*это могли быть разные группы, по крайней мере по численности*» [Калужиньский 1977: 83]. По его мнению, указанное свойство распространялось как на предводителей, так и на руководимых ими рядовых членов группы. Кроме того, он считал, что между носителями одного *oboq* существовало кровное родство [Kałużyński 1989: 193–195]. Но если первое предположение безусловно подтверждается материалом, то этого нельзя сказать о двух остальных. В ТИМ имеется контекст, позволяющий поставить их под сомнение:

*(13) ede jürkin irgen-ü yosun jürkin bolurun qabul-qan-u dolo'an kö'üd-ün angqa aqa ökin-barqaq büle'e kö'ün inu sorqatu-jürki büle'e jürkin bolurun qabul-qan-u kö'üd-ün aqa ke'ejü irgen-ü'en dotoraca ilqaju helige-tür sölsütü heregei-tür honcitan a'urgi dü'üreng jirügetü aman dü'üreng a'urtan ere tutum erdemütten books gücüten-i ilqaju ökcü a'urtan sölsütan omoqtan jörkimes tula jürkin ke'ekdegü yosun teyimü teyimün omoqtan irgen-i cinggis-qahan dorayita'ulju **jürkin oboqtu-yi** ülitkeba irgen-i ulus-i inu cinggis-qahan ö'er-ün emcü irgen bolqaba* 139 'Обстоятельства [появления] этих людей джӱркин. Когда становились джӱркинами, самым старшим из семи сыновей Кабул-хана был Ӧкин-Баркак. Сыном его был Соркату-Джӱрки. Когда становились джӱркинами, Кабул-хан, говоря: «[Ӧкин-Баркак] старший из [моих] сыновей», выбрал из своих людей и дал [ему] силачей, имеющих в печени желчь, имеющих в большом пальце способность стрелять из лука, имеющих легкие, полные отваги, имеющих рты, полные гнева, у которых каждый мужчина имеет способности. Поскольку [они] были непреоборимыми (? *jörkimes*), имеющими желчь, гнев и храбрость, таковы обстоятельства, благодаря которым их называют джӱркин. Таких храбрых людей Чингис-ка'ан подчинил и уничтожил **тех, кто имеет oboq джӱркин**. Их людей (*irgen-i ulus-i*) Чингис-ка'ан сделал своими собственными людьми'.

В этом отрывке обращают на себя внимание два момента. Во-первых, способ образования группы джӱркин. Кочевой лидер передает какую-то часть возглавляемых им людей под управление своего сына, причем отбирает их на основании выдающихся личностных качеств, а не сообразно критерию кровного родства. Группа формируется *ad hoc*, без учета каких-либо ранее сложившихся социальных связей между ее членами. Поскольку наши источники содержат крайне мало информации о причинах и условиях возникновения новых социальных единиц у монголов до Чингисхана, данный способ можно считать в некото-

ром роде парадигматическим. Во-вторых, немаловажный интерес представляет концовка процитированного отрывка: *jürkin oboqtu-yi ülitkeba irgen-i ulus-i inu cinggis-qahan ö'er-ün emcü irgen bolquba* 'Чингис-ка'ан уничтожил[1] тех, кто имеет *oboq* джӱркин, а их людей сделал своими собственными людьми'. В противоположность примеру (2), здесь референты *oboqtu*[2] и *irgen* не совпадают. Первый подвергается уничтожению и, кроме того, описывается как владелец второго (к *oboqtu* отсылает притяжательное местоимение 3-го лица единственного числа *inu*), тогда как «люди» сохраняют жизнь и переходят во власть Чингисхана. Таким образом, под *oboqtu* в интересующем нас отрывке имеется в виду не вся группа джӱркин в целом, а отдельная ее часть. Но какая именно?

Подсказкой служит § 137, где та же ситуация описывается следующим образом: *saca taicu qoyar-i büte'et qariju irejü jürkin-ü irge gödölgekü-tür* 'Когда [Чингис-ка'ан], прикончив Сача и Тайчу, вернулся обратно и пригнал [к себе] людей джӱркинов...' Сача-бэки и Тайчу — лидеры группы джӱркин, которые подверглись уничтожению после разгрома возглавляемого ими объединения; значит, именно они составляют референт формы *oboqtu* в § 139, т.е. являются носителями коллективного названия джӱркин. Состоящие под их руководством люди, рядовые члены группы, исключаются из сферы охвата последнего.

Этот вывод заставляет под новым углом зрения взглянуть на диапазон употреблений лексемы *oboq*. С большой долей вероятности можно предполагать, что и во всех других контекстах она сопоставляется не всем участникам того или иного кочевого образования, а только правящей верхушке. Действительно, класс заполнителей валентности X-а в предикатном выражении *X Y*

[1] В среднемонгольском языке имелся целый ряд глаголов физической ликвидации, различавшихся значением способа уничтожения. Глагол *ülitke=* приблизительно означал 'уничтожить, разделив на мелкие фрагменты'. В морфологическом отношении он представляет собой каузатив на *=ke=* от формы *ülit=*, которая в свою очередь образована от корня *üli=* при помощи аффикса *=t=*, выражающего идею становления тем, что обозначено основой (об этом аффиксе см.: [Поппе 1937: 136; Poppe 1974: § 241]). Основа *üli=* в свободном состоянии не отмечена; ее значение гипотетически реконструируется как 'мелкая частица чего-либо'. Ср. деривационное гнездо слов данной основы в современном халхаском диалекте: *улт* 'в пух и прах, вдребезги', *ултлэх* 'разваривать (*мясо и т.п.*); разбивать, размельчать, крошить', *ултас* 'осколки *чего-л.*; ветошь, тряпки, рвань; пакля, охлопки' [БАМРС 3: 408]. Ауслаутный */i/* в {üli}, вероятно, является соединительным гласным.

[2] Строго говоря, *oboqtu* по форме представляет собой единственное число, и мы были бы вправе переводить его как 'имеющий *oboq*'. В единственном числе стоит и местоимение *inu* 'его' с референцией к *oboqtu*. Между тем в (13) обе лексические единицы определенно несут значение множественности (см. ниже). Несоответствие означающего означаемому вызвано тем, что в среднемонгольском языке согласование в числе перестало быть строго обязательным, и формальное выражение множественного числа приобрело факультативный характер (см.: [Doerfer 1955: 226–242]). Об употреблении *inu* 'его' вместо *anu* 'их' в ТИМ и других среднемонгольских текстах см.: [Mostaert 1952: 312].

oboqtu (oboqtan) bol= (bol<u>qa=) образуют имена членов руководящей элиты разного рода групп, а предложения типа (12) описывают обстоятельства закрепления за ними особого отличительного названия (Y). Итак, вместо широкого значения 'название некоторой группы' мы вынуждены фиксировать для *oboq* более узкое 'название тех, кто управляет некоторой группой'. Следует ли считать этот шаг толкования последним? Мы полагаем, что нет. Дело в том, что трактовка С. Калужиньским рамок применимости слова *oboq*, которая не находит себе подтверждения в сфере употребления самого ключевого слова, имеет силу для его гипонимов.

Рассмотрим пример

(14) iedü kereyit irge dorayita'ulju jük jük qubiyaju tala'ulba 186 'Тогда, подчинив кэрэитских людей, [их] распределили по разным сторонам и дали возможность ограбить'.

Кого здесь обозначает именная группа *kereyit irge* 'кэрэитские люди'? Это явно не представители властной верхушки данного объединения номадов, так как в § 185 сообщается, что они после разгрома своих сил бежали и не попали в руки победителей. Речь идет о тех, кто составлял основной контингент этого объединения, занимая в нем подчиненную позицию. При внимательном анализе употреблений всех гипонимов слова *oboq* подобное положение вещей оказывается широко распространенным и может быть возведено в закономерность.

Как вытекает из сказанного, показания ТИМ свидетельствуют в пользу того, что у слова *oboq* в среднемонгольском языке имелось два значения. Одно из них было впервые выявлено С. Калужиньским, другое эксплицировано в ходе настоящего анализа. Это значения: a) 'название какой-либо общности людей'; b) 'название тех, кто управляет какой-либо общностью людей'. Тем самым подтверждается семантический закон Е. Куриловича об импликативной связи между богатством содержания и узостью употребления. Вместе с тем, мы намеренно не снабдили установленные значения числовыми индексами, так как нумерация должна отражать иерархию значений полисемичного слова, а мы пока не располагаем никакими критериями, на которых такая иерархия могла бы основываться. Ясно, что мы имеем дело с метонимически мотивированной полисемией, но направление семантической производности остается для нас неизвестным. С целью пролить какой-то свет на соотношение значений слова *oboq* в языке ТИМ, мы предприняли статистическое исследование дистрибуции четырех наиболее частотных групповых названий, встречающихся в тексте нашего памятника. Результаты этого исследования представлены в таблице.

Употребление групповых названий в «Тайной истории монголов»

Групповое название	Количество употреблений		
	в значении a)	в значении b)	неясные случаи
merkit	36	12	25
tatar	36	5	14
naiman	19	2	28
tayici'ut	21	12	12
Итого	112	31	79

Из таблицы видно, что по критерию частотности значение a) несомненно следует признать главным значением слова *oboq*. Однако, как писал Д.Н. Шмелев, *«определение значений как "главных", "основных", "первичных", с одной стороны, и "вторичных", "переносных" — с другой, может иметь различный смысл, в зависимости от того, говорим ли мы об историческом развитии семантики слова или же о тех отношениях, которые существуют в данный момент»* [Шмелев 1977: 94]. Нам представляется, что с точки зрения «исторического развития семантики слова» значение a) являлось метонимическим расширением значения b), а в том срезе монгольского языка, который отразился в ТИМ, произошло «семантическое переразложение» смысловой структуры слова *oboq* (об этом термине см.: [Шмелев 1977: 106]). В результате данного переразложения значение a) вытеснило значение b) на периферию языкового обихода. Сами монголы, по-видимому, представляли себе семантическое развитие слова *oboq* именно таким образом, поскольку, как мы уже видели, образование новой социальной единицы описывается в ТИМ как складывание руководящей элиты, обладающей особым названием, которое затем начинает ассоциироваться со всеми зависимыми от этой элиты номадами.

Таким образом, если руководствоваться диахроническим критерием, семантическую структуру слова *oboq* можно представить в следующем виде:

OBOQ 1. 'название тех, кто управляет какой-либо общностью людей';

2. 'название какой-либо общности людей'[1].

[1] Существенно, что по данным, которые имеются у нас в наличии, в среднемонгольском языке понятие 'общность людей' не получало прямого лексического воплощения и выражалось только морфологически, через специальный аффикс групповой принадлежности {dai²}. Этот аффикс имел три алломорфа, у двух из которых были факультативные варианты. Алломорфы противопоставлялись по двум различительным признакам: рядности модифицируемой основы (*=dai ~ =tai* при основах гуттурального ряда, *=dei ~ =tei* при основах палатального ряда) и полу обозначаемого лица (*=dai ~ =tai* / *=dei ~ =tei* указывали на лицо мужского пола, *=jin* — на лицо женского пола). Аффикс {dai²} был предметом рассмотрения Н.Н. Поппе [Poppe 1975: 162-163], который, тем не менее, не отметил у него вариантов с инициальным сильным /t/. Ср.: *uriangqadai gü'ün* 12, 82 'урянкаец', *qadagidai gü'ün* 131 'кадагинец', но *bosütci gü'ün* 53 'бэсүт'. Впрочем, вопрос о способах обозначения социальной принадлежности в среднемонгольском языке нуждается в дополнительной разработке.

В таблице привлекает внимание довольно значительная категория «неясных случаев». В нее мы включили те употребления групповых названий, которые с определенностью не подводятся ни под первое, ни под второе значения слова *oboq*. Сюда относятся такие примеры, как ***jürkin-ü sorqatu-jürki-yin kö'ün saca-beki taicu qoyar*** 122 'сыновья **джуркинского** Соркату-Джяркн Сача-бэки **и** Тайчу'; ***kereyid-ün jaqa-gambu*** 150 '**кэрэйитский** Джака-гамбу'; *jaqa-gambu buru'utcu **naiman**-tur oroju'u* 152 'Джака-гамбу изменил и подчинился **найманам**'. В сущности, невозможно точно определить, в каком из двух значений здесь выступают перечисленные названия. Однако данное затруднение не составляет специфики исключительно обсуждаемой лексемы. В этой связи Д.Н. Шмелев писал о принципе диффузности значений полисемичного слова, согласно которому *«существуют такие позиции слова, в которых различающиеся в других случаях значения предстают как бы в совмещенном виде»* [Шмелев 1977: 90]. Отсюда следует, что значения многозначной лексической единицы находятся в отношениях невзаимоисключающей дизъюнкции, т.е. не могут быть строго отграничены друг от друга [Шмелев 1977: 90; Шмелев 1973: 98]. Контексты одновременной реализации обоих значений слова *oboq* и образуют категорию «неясных случаев», которые теперь у нас есть основания именовать «диффузными употреблениями»[1].

Помимо диффузности, характерную черту употребления групповых названий в ТИМ представляет собой частая мена значений 1 и 2 на небольших отрезках текста. Так, в речи Чингисхана по случаю покорения татар встречается фраза

(15) tatar-i muqutqaju daulin baraju ulus irgen anu ker kikün 154 'Закончив уничтожать и захватывать татар, что будем делать с их людьми?'

Наименование «татары» здесь относится к правящей верхушке, так как ранее (153) говорилось о ликвидации Чингисханом татарских «важных людей» (*erkit irge*). Однако при описании того, как Чингисхан и его родня уничтожают захваченных ими незнатных представителей кочевой группы, названных в (15) про-

[1] Ср. замечание П. Рачневского относительно особенностей употребления монгольских групповых названий в китайских источниках юаньской эпохи: *«Тексты обычно не делают никакого различия между племенным вождем и племенем»* [Ratchnevsky 1966: 183, Anm. 11].

сто «людьми» (*ulus irgen*), референция к этим последним также производится с помощью дескрипции «татары»:

(16) tatar-i ci'ün-tür üljü kidun baraju 154 'Закончив вырезать татар, примеряя [их] к тележной оси...'.

Примеры (15) и (16) взяты из одного параграфа, но в (15) название «татары» используется в значении 1, а в (16) — в значении 2.

Мы не затрагиваем здесь вопроса о том, почему слово *oboq* как самостоятельная лексическая единица (оставляя в стороне его гипонимы) имеет в ТИМ такую низкую частотность, хотя его роль в концептуализации монголами своего социального мира трудно признать незначительной. Он не относится к сфере семантики слова и нуждается в особом тщательном исследовании. Мы хотели бы лишь отметить, что в СМТ данное слово почти не встречается; нами выявлено всего 4 случая его употребления. Один из них указан в примеч. 4, остальные в заключение этого раздела приводятся ниже:

(17) Čiu ulus-tur gegegen uqayatu baysilayči Yin ***oboy-tu*** *noyan bükü-yin siltayabar* [HkVII 13a2-4] 'По причине того, что в народе Чжоу был нойан, **имевший *oboy*** Инь, являвшийся учителем со светлым умом...';

(18) suutu boyda činggis qayan töröjü čambutib-taki yurban jayun jiran nigen keleten doluyan jayun qorin nigen ***oboytan*** *arban jiryuyan yeke ulus-i tabun öngge dörben qari bolyan* [ИТ I: 1,2] 'Августейший Чингис-каган, родившись, сделал тех, кто имеет 361 язык, **тех, кто имеет** 721 ***oboy***, 16 великих народов, находящихся во вселенной, «пятью цветными и четырьмя чужими»';

(19) činggis qayan köke mongyol ulus-ača ekilen čambutib-taki yurban jayun jiran nigen keleten. doluyan jayun qorin nigen ***oboytan****-i... nigen törö-dür oroyulju* [ИТ I: 3, 1-2] 'Чингис-каган, начиная с народа синих монголов, привел под единую власть... тех, кто имеет 361 язык, **тех, кто имеет** 721 ***oboy***, находящихся во вселенной'.

* * *

Слово *irgen* употребляется в ТИМ 246 раз. Это наиболее частотный среди всех социальных терминов среднемонгольского языка. Для его описания актуальна проблема, обратная той, с которой мы столкнулись при анализе слова *oboq*. Если состав окружений у *oboq* сводится по существу к единственному типу, то сфера употребления слова *irgen* настолько широка, что полный учет его дистрибуции занял бы неоправданно много места. К тому же он имел бы ограниченную эвристическую ценность, поскольку не все окружения, в которых встречается *irgen*, являются диагностирующими относительно его значения. В семантике признается существование контекстов, недостаточных для

определения предметной соотнесенности слова [см.: Шмелев 1977: 216]. Для *irgen* такого рода контексты образует, в частности, его сочетаемость в качестве атрибутива с личными именами и титулами (напр., *kereyit irgen-ü ong-qan* 96 'кэрэиты + *irgen* + показатель генитива + Онг (личное имя-титул) + хан'; *kitat irgen-ü altan-qan* 132 'китайцы + *irgen* + показатель генитива + хан'; *gür irgen-ü gui ong* 206 'все + *irgen* + показатель генитива + гован (титул)') или заполнение им валентности объекта при глаголах, подчиняющих объектные актанты любого семантического класса (напр., *irge ök-* 242, 242, 242, 242, 242, 243, 244, 245 '*irge* + давать'). Эти и аналогичные употребления можно назвать референциально непрозрачными. В сводке сочетаемостных характеристик слова *irgen*, которую мы даем ниже, они не отображаются. Мы пошли на это ограничение с тем большей легкостью, что оно исключает из рассмотрения сравнительно узкий спектр дистрибутивного диапазона толкуемой лексической единицы.

Итак, *irgen* может «просить» у кого-либо что-либо (*quyu-* 29), «спрашивать» (*asaq-* 29), «отвечать» (*ügüle-* 35) и вообще «говорить» (*ke'e-* 67, 146, 189, 190, 265); существительное *irgen* выполняет роль субъекта при глаголах «вспоминать» (*durat-* 67), «замышлять недоброе» (*oyisulad-* 67), «бояться» (*ayu-* 249, 277), «сердиться» (*kilingla-* 270) и «быть очень довольным» (*kibqang-* 272); оно реализует объектное место при предикатах физической ликвидации: «прикончить» (*maqutqa- ~ maqutqa-* 153, 208, 268, 281), «вырезать» (*kidu-* 154, 154, 214), «убить» (*ala-* 154, 200, 214), «уничтожить» (*ülitke-* 214, *ügei bolqa-* 268); но *irgen* и сам способен «убивать» (*ala-* 254), «умерщвлять» (*ükü'ül-* 189, 200) и «губить» (*bara-* 133, 154, 266) кого-либо, а также «умирать» (*ükü-* 270) без всякой каузации; *irgen* имеет «грудь» (*ebür* 113), «печень» (*helige* 113, 275), «одежду» (*qubcasu* 189) и «имя» (*nere* 203); его характеризуют предикативные словосочетания «растить своих дочерей» (*ökid-iyen ösge-* 64), «не доить своих кобыл» (*ge'üd-iyen ülü sa'a-* 145), «привыкнуть к мечу и копью» (*üldü jida-tur dadu-* 170), «клясться» (*aman kelen alda-* 199), «не выполнять обещания» (*üge-tür ülü gür-* 268); у *irgen* могут быть «родители» (*eke ecige* 268), «внучки по женской линии» (*je'e ~ jē* 64, 176), «дочери» (*ökí(n)* 54, 64, 176); *irgen* можно «захватить» (*ha'ul-* 35, 36, 152, *dawuli- ~ dauli-* 39, 67, 136, 144, 156, 157, 162, 162, 163, 177, 177, 177, 187, 197, 197, 198, 208, 240, 268, 272, 272, 274, 275); однако и ему самому предицируются действия «схватить» (*bari-* 53, 53, 241) и «захватить» (*dawuli-* 152); ему могут «дать девушку» (*ökin ab-* 53) и, наоборот, «просить девушку» у него (*öki quyu-* 61, 62); *irgen* описывается как «имеющий месть» (*hacitu* 113, *öšten* 133, 199, 214) и «имеющий девять языков» (*yisün keleten* 245, 245); он может «давать» что-либо (*ök-* 67, 249), «пировать» (*qurimla-* 67, 240), «запрягать» и «пускать рысью» верблюдов (*kölgejü qatara'ul-* 64), «возводить в ханы» (*qa ergü-* 144), «вставать лагерем в форме круга» (*güre'ele-* 145,

146, 146), «сражаться» (*gatquldu*= 170); его можно «подчинить» (*dorayita'ul*= ~ *dorayida'ul*= 139, 186, 187, 214, 260), «разделить» (*qubiyaldu*= 154, 260, *qubiya*= 186, 242, *qubila*= 203) и «ограбить» (*tala*= 186); *irgen* выступает субъектом действий «подчиниться» (*else*= 176, 176, 176, 241) и стать «мятежным» (*bulqa* 176, 241, 275); его каузируют «страдать» (*jobo'a*= 279) и «бояться» (*ayu'ul*= 200), подвергают запрету «смеяться» над кем-либо (*bu ine'e'ül*= 255).

Нередко слово *irgen* реализует субъектную валентность при глаголах движения: направленного (*oro*= 'входить' 5, 150, 207, 239, 239 (с аффиксом каузатива =*'ul*=), 239 (то же), 240 (то же), 241 (то же), 265 (то же), 275 (то же), 277 (то же); *ire*= 'приходить' 130, 150; *ayisu*= 'приближаться' 5, 6; *gür*= 'достигать' 268; *ot*= ~ *od*= 'уходить', 'отправляться' 64, 64, 152, 177, 199, 245, 245, 265, 265; *yabu*= 'идти' 5 (с аффиксом реципрока =*ld*=), 207) и ненаправленного (*newü*= 'кочевать' — абсолютивно 5, 6, 73, в сочетании с ориентационным глаголом *ire*= 28, 30; *dürbe*= 'бежать' — абсолютивно 110, 110, 146, в сочетании с ориентационным глаголом *ayisu*= 110; *gödäl*= 'двигаться' — абсолютивно 137 (с аффиксом каузатива =*ge*=), 146, в сочетании с ориентационным глаголом *ire*= 148 (с аффиксом каузатива =*ge*=)).

Обобщая отмеченные особенности синтаксического поведения слова *irgen*, можно с определенностью установить экстенсиональный компонент его значения: 'люди'. То, что оно выражало грамматическое значение множественности, а не единичности, выводится на основании ряда дистрибутивных признаков: его сочетаемости с числительными больше единицы (*tümen* 'десять тысяч' 243, 243, *naiman minqat* 'восемь тысяч' 242, *tabun minqat* 'пять тысяч' 242, *dörben minqat* 'четыре тысячи' 242, *qoyar minqat* 'две тысячи' 242, *niken minqan tabun ja'ut* 'тысяча пятьсот' 242, *niken minqan dörben ja'ut* 'тысяча четыреста' 244) и с кванторным прилагательным *gür* 'все' 203, 206, использования по отношению к нему предикатов «выделять» (*ilqa*= 139) и «разделять» (*qubiyaldu*= 154, 260, *qubiya*= 186, 242, *qubila*= 203), а также слова *qubi* 'часть', 'доля' 203, 242, 260. Отсюда видно, что в среднемонгольском языке *irgen* обозначало нечто исчислимое и делимое, некоторое множество, состоящее из отдельных единиц; вместе с тем, оно не выражало значения мн. ч. в своей морфологической структуре. Таким образом, по своим семантическим свойствам *irgen* подпадает под категорию имен совокупностей[1].

[1] К именам совокупностей относятся существительные с собирательным значением, у которых оно не имеет формального выражения и которые лишены деривационной связи с названием единичного представителя совокупности. (Как будет показано ниже, для *irgen* таким названием выступало слово *gü'ün* 'человек'.) Дефиницию и критерии выделения данной категории имен см. в работе [Семантика и категоризация 1991: 147–152].

Дополнительное свидетельство в пользу предложенной экстенсиональной интерпретации слова *irgen* предоставляет его встречаемость в атрибутивных и предикативных конструкциях с морфологически выраженным значением множественного числа. Из 118 атрибутивов и предикативов к *irgen*, которые, согласно нормам среднемонгольского языка, могли оформляться множественным числом, 74 (62,7%) получили такое оформление. Кроме того, слово *irgen* в ТИМ часто выступает антецедентом местоимений 3-го лица множественного числа: указательных (употреблявшихся в функции личных) (*tede* 35, 170, 170, 176, 189, 265, 265, 270, 270; *mät* 190) и притяжательных (*anu* 67, 113, 113, 113, 113, 145, 176, 177, 177, 189, 190, 190, 190, 190, 190, 193, 265).

Все эти данные не оставляют никаких сомнений относительно экстенсиональных характеристик лексемы *irgen*. Однако в среднемонгольском языке было несколько слов с общим компонентом значения 'люди', сходствующих по своим экстенсионалам, но различающихся интенсиональной частью семантики. Помимо *irgen*, в данный квазисинонимический ряд входили еще две лексические единицы: *ulus* и *haran*. Перед нами встает задача определить интенсиональные особенности слова *irgen*, которые создавали основу его самостоятельного положения в языковой системе. А с этой целью необходимо выявить круг специфичных для него контекстов употребления, в которых его интенсиональные свойства раскрываются с максимальной полнотой.

При анализе дистрибуции слова *irgen* легко выделяется довольно обширная совокупность контекстов, в которых его референту приписывается способность к коллективным действиям. Так, *irgen* выступает как коллективный субъект речи (29, 31, 67, 146, 190, 265), субъект и контрагент матримониальных операций (53, 54, 61, 62, 64, 208), объект военных действий (58, 157, 170, 200, 239, 240, 247, 251, 254, 256, 257, 260, 261, 265, 267, 268, 271, 272), субъект и объект мести (53, 58, 67, 68, 113, 133, 154, 199, 214, 254), субъект обещания (268). Употреблений подобного рода не наблюдается ни у *ulus*, ни у *haran*. По-видимому, именно в них отражаются те специфические свойства, которые монголы мыслили в понятии *irgen*. Эти свойства можно суммировать под смыслом 'общность', который, на наш взгляд, играл роль основного интенсионального компонента в семантической структуре толкуемого слова.

Следует подчеркнуть, что концепт 'общность' понимался носителями среднемонгольского языка довольно расплывчатым образом. Определение 'общности' не основывалось на каких-либо обязательных внешних критериях; скорее, оно имело опорой субъективную убежденность некоторого круга лиц в своей совместной принадлежности к одному социальному объединению, между членами которого в идеале должны были существо-

вать тесные взаимоотношения[1]. Данная субъективная убежденность находила языковое выражение в факте совместной встречаемости слова *irgen* с формами личного местоимения 1-го лица множественного числа *ba* (31, 63, 64, 249, 249, 265). Особенностью употребления «эксклюзивного» местоимения *ba* (в противоположность его «инклюзивному» корреляту *bida*) было то, что его сфера референции исключала адресата речи. Границы референции *ba* совпадали с границами общности, к которой в момент речи причислял себя говорящий. Именно с этой общностью и соотносилось понятие *irgen*. Отсюда вытекает, что экстенсионал у него являлся крайне размытым и варьировал в зависимости от социальной ситуации (так же, как и круг тех, кого говорящий называл «мы»). Принципы его определения лежали в области уже не семантики, а прагматики языка.

Мы полагаем, что в толковании лексемы *irgen* должны получить отображение как идея общности, так и идея субъективного осознания общности. Однако прежде чем сформулировать это толкование, следует выяснить, что нам может дать применение к ключевому слову метода сопоставительного анализа.

Одно из опорных методологических положений современной семантики заключается в том, что лексическую систему языка необходимо изучать сопоставительно, причем членами сопоставления должны браться семантически близкие языковые единицы. Особую актуальность сопоставительный метод представляет для изучения квазисинонимов — слов с частично совпадающими наборами смысловых компонентов. Квазисинонимы обладают свойством нейтрализации семантических различий в определенных контекстных условиях[2], поэтому их сопоставительное описание обычно включает определение позиций нейтрализации, в которых они могут свободно замещать друг друга, и позиций максимального различения, в которых они оказываются невзаимозаменимыми [см.: Апресян 1995: 158–163, 239–243; Кронгауз 2001: 172–174]. Для нас большую значимость имеет семантическое сопоставление слов *ulus* и *irgen*, принадлежащих к одному квазисинонимическому ряду. Их сопоставительный анализ через описание позиций нейтрализации и максимального различения мы и попытаемся осуществить.

[1] Эти взаимоотношения могли осмысляться в форме родственных. Так, группа, названная в ТИМ *olqunu'ut irgen* 'люди олкуну'ут', характеризуется при помощи терминов родства: *törgüt* 'родственники женщины (по отношению к ней самой)' 61 и *naqacu nar* 'родственники женщины (по отношению к ее детям)' 61, 62. То, что данные термины охватывали всю группу в целом, подчеркивает, с какой степенью солидарности ее члены действовали на социальной сцене, в том числе при заключении брачных альянсов. О терминах *törgüt* и *naqacu nar* см. [Cleaves 1949: 509–510; Калужиньски 1972: 220].

[2] Ряд авторов считают нейтрализуемость семантических различий определяющим признаком точных синонимов [см., напр.: Шмелев 1973: 130; 1977: 193–196].

Примеры нейтрализации различающихся компонентов значений слов *ulus*[1] и *irgen* приводятся нами в другой работе, в настоящее время находящейся в печати [Рыкин]. Это, прежде всего, употребления сложного слова *ulus irgen*, а также группа случаев контекстной взаимозаменимости (кореферентности) обеих лексических единиц в описании ряда ситуаций. Здесь мы ограничимся формулировкой правила, при соблюдении которого нейтрализация имела место. Нейтрализация семантических различий слов *ulus* и *irgen* происходила в условиях взаимного пересечения двух классов — класса людей, включенных в отношения политической зависимости, и класса лично свободных людей, действующих в качестве сплоченной, осознающей себя общности. Область пересечения этих классов задавала общий для *ulus* и *irgen* экстенсионал. Таким образом, *ulus* и *irgen* становились взаимозаменимыми тогда и постольку, когда и поскольку они осуществляли референцию к лично свободным людям, объединенным в общность (компоненты, релевантные для *irgen*) и одновременно состоящим в зависимости от какой-либо властной инстанции (компонент, релевантный для *ulus*).

Условия максимального различения распадаются на две категории. Первая из них представлена тремя примерами: именной группой *irgen-i ulus-i inu* из предложения (13), где *irgen* и *ulus* выполняют функцию однородных аккузативных дополнений, а также, с известными оговорками[2], комплексом *irge orqa ulus* из предложения

(20) cinggis-qahan... toqto'a-yi gödölgejü sa'uri-ke'er-e ***irge orqa ulus*** *inu dawuliba* 197 'Чингис-ка'ан... прогнав Токто'а, захватил его **людей** в степи Са'ари',

где однородные члены *irge orqa*[3] и *ulus* не несут падежных показателей, и выражением

(21) naiman ***irgen ulus*** *yekeü* ***irge olotu*** 190, букв. 'Найманские люди имеют много **людей** (*irgen*) и много **людей** (*ulus*)'.

Во всех примерах речь идет о двух подмножествах людей, составляющих множество членов некоторого кочевого образова-

[1] Согласно результатам проведенного нами исследования, слово *ulus* в среднемонгольском языке имело значение 'люди, принадлежащие Х-у', причем компонент 'принадлежащий Х-у' понимался, по-видимому, в смысле политической зависимости.

[2] Именная группа *irge orqa ulus* в принципе допускает интерпретацию в качестве сложного слова, состоящего из трех конститутивных элементов. Однако других примеров трехкомпонентных сложных слов в среднемонгольском языке не засвидетельствовано.

[3] Лексический бином *irge orqa*, точный синоним *irgen*, в соответствии с классификацией Дж.Ч. Стрита входит в класс *«эквивалентных сложных субстантивов»* [Street 1957: § 4. 161]. Второй его компонент — *orqa ~ orqo* — в свободной форме практически не отмечен; судя по китайско-монгольским словарям эпохи Мин, он по своему значению мало отличался от *irgen*. Сложное слово *irge orqa* довольно часто встречается в ТИМ и других памятниках среднемонгольского языка. Сводку данных о нем см. [Mostaert 1952: 360–361; Poppe: 1957: 122, Anm. 83].

ния. Эти некоэкстенсивные подмножества и обозначены словами *ulus* и *irgen*. В отношении данной категории случаев их дополнительная дистрибуция может быть объяснена только с большой долей гипотетичности. Вероятно, монголы проводили различие между людьми, входившими в группу на правах непосредственного подчинения ее лидеру (они назывались *ulus*), и людьми, образовывавшими внутри нее отдельные полуавтономные единицы во главе с лидерами низшего уровня (они назывались *irgen*). Такая трактовка подсказывается примером

(22) tende uru'ut mangqut ke'en irgen inu bui 170 'Там его **люди**, называемые уру'ут и манкут',

где *inu* отсылает к Чингисхану. Известно, что уру'уты и манкуты, квалифицируемые здесь как *irgen*, выступали в составе коалиции Чингисхана в качестве отдельных групп со своими собственными лидерами, связанными с Чингисханом отношениями персональной зависимости. В то же время у Чингисхана имелась и такая категория людей, к которой применялось слово *ulus* (166, 180). Мы посчитали себя вправе взять эту референциальную дифференциацию за основу для объяснения примеров (13), (20) и (21).

Другую категорию составляют выражение *naiman irgen-ü ulus* 196, букв. 'люди найманских людей', и приведенный выше пример (21), который интересует нас теперь с точки зрения группы подлежащего *naiman irgen*. Референт слова *irgen* в обоих выражениях «прочитывается» достаточно легко и выводится из невозможности сочетаний типа **naiman ulus-un irgen* и **naiman ulus ulus yeketü irge olotu*. В выражениях этой категории слово *irgen* соотносится исключительно с правящей верхушкой группы, противопоставленной рядовым ее членам (*ulus*, а в предложении (21) еще и *irgen* в том смысле, на который указывалось в предыдущем абзаце). Подобного рода ограничительные употребления у слова *irgen* в ТИМ крайне редки и исчерпываются двумя названными: обычно *irgen* осуществляло номинацию без учета фактора социального статуса. Однако они все-таки возможны, чего нельзя сказать об употреблениях *ulus* в тех же синтаксических позициях. В отличие от *irgen*, слово *ulus* было статусно маркированным и обозначало только политически зависимых участников кочевого объединения. В ТИМ имеется, правда, один контекст употребления именной группы *erkit ulus* 'важные люди' (208) с ясной референцией. Тем не менее это выражение, вместе с синонимичным *erkit irge* (153), по-видимому, характеризовало руководящих лиц низшего ранга — иначе говоря, не ханов, а нойанов, для которых существовала определенная зависимость от правящей десцентной линии.

Важным оказывается также сопоставление лексемы *irgen* с другим членом категории названий для людей — *haran*. Оно дает нам возможность включить в семантическую структуру ключевого слова компонент 'быть лично свободным', который, помимо абстрактной идеи 'общности', предположительно относился к интенсиональной части его значения. Детали этого сопоставительного анализа будут изложены в другом месте; здесь мы довольствуемся тем, что постулируем названный компонент без надлежащей аргументации, т.е. не обращаясь к тем контекстам, на основании которых он был нами выделен.

Таким образом, мы считаем правомерным дать лексеме *irgen* следующее толкование:

IRGEN 'лично свободные люди, осознающие себя в качестве некоторой общности'.

Предложенное толкование вполне удовлетворяет семантическому закону Е. Куриловича, который мы упоминали выше. Только в нашем случае правильнее говорить не о бедности, а о расплывчатости и растяжимости содержания слова *irgen*, благодаря которым оно могло называть совокупность людей любого объема: от немногочисленной акефальной «группы» (*bölök irgen* 5, 8, 28) до такого широкого, политически организованного «воображаемого сообщества», как «монголы» (*mongqol irgen* 189; *Mongyol irgen* Jig 17; Bur IX 65a). Вместе с тем мы не решаемся утверждать, что нам удалось передать это содержание всецело адекватно. Степень точности нашей экспликации интенсиональных компонентов слова *irgen* неизмеримо ниже той, с которой была осуществлена его экстенсиональная идентификация. Это объясняется тем, что при определении интенсионала единиц конкретной лексики мы переходим от объектов действительности на уровень понятий, создаваемых о них людьми, а такого рода понятия представляют собой аморфные ненаблюдаемые сущности, лишь отчасти актуализируемые в совокупности употреблений слова и потому с трудом (если вообще) поддающиеся строгой формулировке. В конце концов, понятие о вещи устроено столь же тонко и сложно, как и ментальный мир человека, продуктом которого оно является.

Слово *irgen*, как и всякое имя собирательное, всегда выступало в грамматическом значении множественности. Функции сингулятива (имени отдельного представителя совокупности) к нему (а также к *ulus* и *haran*) выполняло существительное *gü'ün* 'человек'. Синтаксическое поведение *gü'ün* и *irgen* различалось в способе подчинения атрибутивов со значением групповых названий: с *irgen* они сочетались в форме основы, снабженной аффиксом множественного числа (напр., *kiyat irgen* 'кийаты' 63, где *kiyat* < *kiyan* + *{t}*), а с *gü'ün* — в форме основы, снабженной аффиксом групповой принадлежности {dai[3]} (напр., *qadagidai gü'ün* 'кадагинец' 131, где *qadagidai* < *qadagin* ~ *qatagin* + *{dai}*); ауслаутный согласный в обоих случаях выпадал. Но сфера употребления слова *gü'ün* не ограничивалась сингулятивной функцией. В ТИМ есть примеры его совместной встречаемости с числительными больше единицы (*ja'un gü'ün* 'сто чело-

век' 150, 177, *qorin qucin gü'ün* 'двадцать-тридцать человек' 177) и с кванторными прилагательными (*olon gü'ün* 'много людей' 190, 213, 224, 270, *cö'en gü'ün* 'мало людей' 196, 197, 198, 213), которые нормально модифицировали словоформы с семантикой множественности. В контекстах такого рода *gü'ün* предположительно называло разнородную совокупность людей, не связанную прочными социальными отношениями и осознанием своего единства. Если наша гипотеза верна, слова *irgen* и *gü'ün* (в значении множественного числа) находились в дополнительном распределении относительно признаков общности и осознания общности.

Остается выяснить, не произошло ли каких-либо сдвигов в значении слова *irgen* к концу среднемонгольского периода. Опорой здесь вновь должен служить дистрибутивный критерий: «*Изменение дистрибуции языкового элемента при сохранении его контраста с другими элементами тождественно изменению значения этого элемента*» [Степанов 1975: 91]. Поэтому надлежит обратиться к СМТ и попытаться обнаружить возможные изменения в моделях сочетаемости ключевого слова, существенные с точки зрения его семантики. Для краткости мы не приводим полной дистрибуции лексемы *irgen* в СМТ, однако ее тщательный анализ показывает, что выполненное нами толкование сохраняет силу относительно всех употреблений *irgen* в памятниках среднемонгольского языка. Единственное, что в данной связи заслуживает внимания, это то, что к концу XIV в. обсуждаемое слово претерпело своего рода сужение экстенсионала, выразившееся в исключении из него представителей властной верхушки. Слово *irgen* стало так же маркированным по социальному статусу, как и *ulus*. Этот процесс получил отражение в нескольких парах оппозиций, которые встречаются в среднемонгольских текстах юаньского и раннеминского периода. Так, в китайско-монгольском словаре «Хуаи и ной» референту *irgen* отчетливо противопоставлены «чиновники» (*tüšimet* HY B3: 6a-b), «ваны» (*ong* HY B1: 1b) и «нойаны» (*noya<n>li'ut* HY B6: 15a), в монгольском переводе «Сяо цзин» — «высшие» (*degedüs*[1] Hk XII 25a3), в китайско-монгольской билингве 1362 г. — «сыновья» представителя знати (*köbegün sibayun* Hin 29). Но изменения в экстенсионале, по-видимому, не сказались на интенсиональных свойствах слова *irgen*. По крайней мере, мы не располагаем никакими определенными данными на этот счет.

И последнее. Дистрибутивный анализ слов *oboq* и *irgen* дает возможность выявить довольно широкий круг контекстов их употребления вне соотнесенности с реалиями кочевого мира,

[1] Типичными для среднемонгольских текстов были употребления словоформы *degedüs* в качестве *pluralis majestatis* для номинации юаньского императора. Но в указанном отрывке из «Сяо цзин» речи об императоре быть не может. Скорее всего, субстантивированное прилагательное *degedüs* там следует понимать в его прямом лексическом значении.

по отношению к обществам с совершенно иным типом социальной организации. Слово *oboq* использовалось применительно к хорезмийцам (263) и китайцам (Tch 14; Hk VII 13a3), слово *irgen* — применительно к китайцам (132, 247, 250, 250, 251, 251, 263, 266, 266, 266, 271, 271, 272, 272, 272), тангутам (249, 249, 249, 249, 249, 250, 250, 256, 256, 265, 265, 265, 265, 265, 267, 268, 268, 268, 268), жителям Средней Азии (254, 254, 254, 256, 257, 260, 260, 263, 264, 265, 265, 265; Gen 2), индийцам (261), русским (262, 270, 275, 277, 277), венграм (262, 270), волжским булгарам (262, 270), христианам в целом (DocII 3: 11), «франкам», т.е. европейцам (DocII 5: 4). Обратив внимание на некоторые примеры из этой категории, С. Калужиньский ссылался на них в подтверждение своего тезиса о невозможности интерпретации *oboq* через понятие рода [Калужиньский 1977: 82]. На наш взгляд, перечисленные употребления есть основания рассматривать в более широкой теоретической перспективе. Э. Бенвенист в свое время писал: «*Для говорящего язык и реальный мир полностью адекватны: знак целиком покрывает реальность и господствует над нею; более того, он и есть эта реальность*» [Бенвенист 2002: 93]. В полном соответствии с процитированными словами средневековые монголы придавали акцент реальности исключительно тому, что находило выражение в лексической системе их родного языка, и использовали единицы его словаря в качестве инструментов познания внешнего мира. Причины такого положения вещей кроются в том, что, по словам А. Шюца, «*жизненный мир дает основные типы нашего опыта реальности*» [Schutz, Luckmann 1974: 25]. Закрепленные в языке, эти типы служат унификации бесконечного многообразия мира, подведению неизвестного под известное. В частности, для монголов важнейшим способом познания отличающихся социальных систем выступала их концептуальная ассимиляция — овладение средствами собственного языка. Одной из составляющих стратегии концептуальной ассимиляции и было распространение слов *oboq* и *irgen* за пределы социального контекста, вызвавшего их к существованию.

* * *

«*Мыслительные объекты социальных наук*, — подчеркивал А. Шюц, — *должны согласовываться с мыслительными объектами здравого смысла, созданными людьми в повседневной жизни с целью наладить взаимоотношения с социальной реальностью*» [Schutz 1971: 43]. Мы видим, что мыслительные объекты, которыми оперирует социальная теория в монголоведении, едва ли удовлетворяют этому условию. Принятые научные трактовки слов *oboq* и *irgen* далеко отстоят от того, что имели в виду средневековые монголы, употребляя данные слова в своей речевой деятельности. Различия между базовой и альтернативными моделями оказываются здесь несущественными: объяснять поня-

тие *oboq* при помощи термина «род» не более обоснованно, чем при помощи терминов «кочевая община» или *обок* (в словоупотреблении Э.Э. Бэкон), а интерпретировать понятие *irgen* в смысле «племя» не более состоятельно, чем приписывать ему содержание «примкнувшие к племени последователи».

Нам могли бы поставить в упрек желание навязать теоретической традиции в монголоведении чуждые ей методологические посылки и оценивать ее сообразно критериям, которые не имели для нее статуса руководящих. Мы не думаем, что подобные упреки были бы оправданными. Теоретики монгольского общества всегда утверждали, что их модели и трансформации («конструкты второй степени») базируются на оригинальных монгольских текстах, как мы знаем, воплощающих конструкты первой степени. Иллюстрацией этой исследовательской позиции может служить следующая цитата: «*Материал «Сокровенного сказания» показывает* (выделено нами. — *П.Р.*), *что вопреки утверждениям некоторых исследователей об аморфности монгольского рода (oboq), о несоответствии его классическому роду, монгольский род XI-XIII вв. являлся гомогенной структурой, состоящей из кровных родственников*» [Скрынникова 1990: 101]. С такого рода утверждениями, к сожалению, трудно согласиться.

Вместе с тем следует оговориться, что предложенная здесь экспликация значений слов *oboq* и *irgen* ни в коей мере не претендует на окончательность. Она скорее ставит вопросы, чем разрешает их. В рассмотренных словах заключены чрезвычайно идиосинкретичные понятия, точных эквивалентов которым в европейских языках, по-видимому, невозможно подыскать. Поэтому их семантический анализ с неизбежностью должен осуществляться в проблематической модальности. Лексическая семантика в принципе опирается на постулат неединственности семантических описаний [см.: Апресян 1995: 64–65, 90–94]; данный постулат тем более действителен для кросслингвистических исследований. Автору хотелось бы надеяться лишь на то, что его работа, вместе с работами С. Калужиньского, способна стать одним из камней в фундаменте нового теоретического здания, которое в будущем предстоит воздвигнуть монголоведам. Но для строительства этого здания требуется еще немало сделать.

Сокращения

а) Среднемонгольские тексты

Bur — Ligeti L. Les douze actes du Bouddha: Arban qoyar ǰokiyangyui üiles de Čhos-kyi 'od-zer. Traduction de Šes-rab sen-ge. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1974. 184 p. [Monumenta linguae mongolicae collecta; 5].

ИТ — Die Weisse Geschichte (Čayan teüke): Eine mongolische Quelle zur Lehre von den Beiden Ordnungen Religion und Staat in Tibet und der Mongolei / Hrsg., übers. und komment. von K. Sagaster. Wiesbaden: Harrassowitz, 1976. IX, 489 s. [Asiatische Forschungen; Bd. 41].

DocIl 3 — письмо ильхана Аргуна папе Николаю IV (1290 г.) [Ligeti 1972a: 248–249].

DocIl 5 — письмо ильхана Öлджэйтү Филиппу Красивому (1305 г.) [Ligeti 1972a: 252–255].

Gen — «Чингисов камень» (ок. сер. XIII в.) [Ligeti 1972a: 17–18].

Hin — китайско-монгольская билингва в честь вана Хинду (1362 г.) [Ligeti 1972a: 63–75].

Hk — монгольский перевод «Сяо цзин» (кон. XIII – нач. XIV в.) [Ligeti 1972a: 76–104].

HY — китайско-монгольский словарь «Хуаи июй» (1389 г.) [Ligeti 1972b: 135–163].

Jig — китайско-монгольская билингва в честь Джигүнтэя (1338 г.) [Ligeti 1972a: 51–58].

SHM — Rachewiltz I. de. Index to The Secret History of the Mongols. Bloomington, Ind.: Indiana University, 1972. 347 p. [Indiana University publications: Uralic and Altaic Series; Vol. 121].

Tch — китайско-монгольская билингва в честь Чжан Инжуя (1335 г.) [Ligeti 1972a: 36–50].

б) Исследования, словари и периодика

БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 т. / Под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М., 2001–2002. Т. 1–4.

HJAS — Harvard Journal of Asiatic Studies.

TMEN — Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen: Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden: Steiner, 1963-1975. Bd. 1–4.

UAJ — Ural-Altaische Jahrbücher.

Библиография

Апресян Ю.Д. Избранные труды. М., 1995. Т. 1: Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и доп.

Бенвенист Э. Общая лингвистика / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. 2-е изд. М., 2002.

Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Гонгор Д. Халх товчоон («Краткая история Халхи»). Кн. 2: Монголия в период перехода от родового строя к феодализму (XI — начало XIII вв.): Автореф. дис. ... док. ист. наук. Улан-Батор; М., 1974.

Калужиньский С. Некоторые вопросы монгольской терминологии родства // Олон улсын монголч эрдэмтний II их хурал. Улаанбаатар: ШУАХ, 1972. Б. 1. С. 217–220.

Калужиньский С. О значении слов irgen и obog в «Сокровенном сказании» // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. Улаанбаатар: ШУАХ, 1977. Б. 2. С. 79–85.

Кронгауз М.А. Семантика. М., 2001.

Курилович Е. Лингвистика и теория знака // Курилович Е. Очерки по лингвистике / Пер. с польск., франц., англ., нем.; Общ. ред. В.А. Звегинцева. Биробиджан, 2000. С. 9–20.

Марков Г.Е. Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.

Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. М.; Л., 1937.

Рыкин П.О. Значение слова *ulus* в «Тайной истории монголов» и других среднемонгольских текстах // Mongolica-VII: Сб. ст. (в печати).

Семантика и категоризация / Р.М. Фрумкина, А.В. Михеев, А.Д. Мостовая, Н.А. Рюмина. М., 1991.

Скрынникова Т.Д. «Oboq» и «irgen» в контексте «Сокровенного сказания» // Mongolica. 1990. Vol. 1 (22). С. 92–102.

Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997.

Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.

Шмелев Д.Н. Современный русский язык: Лексика. М., 1977.

Bacon E. E. Obok: A Study of Social Structure in Eurasia. N.Y., 1958.

Beve L. The Shaman Term *jäkeli* in the Secret History of the Mongols // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1986. T. 40, fasc. 2/3. P. 241–248.

C[leaves] F. W. [Rev. on] E. Haenisch. Die Geheime Geschichte der Mongolen (2nd ed.) // HJAS. 1949. Vol. 12. № 3/4. P. 497–534.

Doerfer G. Beiträge zur Syntax der Sprache der Geheimen Geschichte der Mongolen // Central Asiatic Journal. 1955. Vol. 1. № 4. S. 219–267.

Kałużyński S. Zum Begriff *obog* in der «Geheimen Geschichte der Mongolen» // Gedanke und Wirkung: Festschrift zum 90. Geburtstag von Nikolaus Poppe / Hrsg. von W. Heissig und K. Sagaster. Wiesbaden, 1989. S. 189–195.

Kuper A. The Invention of Primitive Society: Transformations of an Illusion. L.; N.Y., 1988.

Ligeti L. Monuments préclassiques: 1. XIII et XIV siècles. Budapest, 1972a. (Monumenta linguae mongolicae collecta; 2).

Ligeti L. Monuments en écriture 'phags-pa. Pièces de chancellerie en transcription chinoise. Budapest, 1972b. (Monumenta linguae mongolicae collecta; 3).

Mostaert A. Sur quelques passages de l'Histoire secrète des Mongols // HJAS. 1950. Vol. 13. № 3/4. P. 285–361; 1951. Vol. 14. № 3/4. P. 329–403; 1952. Vol. 15. № 3/4. P. 285–407.

Poppe N. Eine mongolische Fassung der Alexandersage // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1957. Bd. 107. H. 1. S. 105–129.

Poppe N. Grammar of Written Mongolian. 3rd printing. Wiesbaden: Harrassowitz, 1974. (Porta Linguarum Orientalium: Neue Serie; Bd. 1).

Poppe N. On Some Proper Names in the Secret History // UAJ. 1975. Bd. 47. P. 161–167.

Pritsak O. Stammesnamen und Titulaturen der altaischen Völker // UAJ. 1952. Bd. 24. H. 1/2. S. 49–104.

Ratchnevsky P. Zum Ausdruck «t'ouhsia» in der Mongolenzeit // Collectanea Mongolica: Festschrift für Professor Dr. Rintchen zum 60. Geburtstag / Hrsg. von W. Heissig. Wiesbaden, 1966. S. 173–191 (Asiatische Forschungen; Bd. 17).

Schutz A. Collected Papers / Ed. and intr. by M. Natanson; With a preface by H. L. van Breda. 3rd ed. The Hague: Nijhoff, 1971. Vol. 1.

Schutz A., Luckmann Th. The Structures of the Life-World. L., 1974.

Street J.Ch. The Language of the Secret History of the Mongols. New Haven, 1957. (American Oriental Series; Vol.42).

Vietze H.-P., Muter E., Zeuner H. Rücklaufiges Wörterbuch zu Manghol un Niuca Tobca'an (Geheime Geschichte der Mongolen). Leipzig, 1969.